

Границы и пограничье

СКОБАРИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ ГРАНИЦ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Андрей Геннадьевич Манаков,
доктор географических наук,
профессор кафедры географии естественно-географического факультета
Псковского государственного университета
E-mail: region-psk@yandex.ru

Сергей Игоревич Евдокимов,
кандидат географических наук,
доцент кафедры географии естественно-географического факультета
Псковского государственного университета
E-mail: sereniam8178@yandex.ru

В статье рассмотрена роль исторически зрелых границ в формировании региональной идентичности населения в пределах Псковской области. Предложено несколько коэффициентов, описывающих степень контактности и контрастности границ. Представлены результаты исследований региональной идентичности населения Псковской области на примере использования регионального самоназвания «скобарь».

Ключевые слова: региональная идентичность; историческая зрелость границ; контактность и контрастность границ; региональные самоназвания населения.

УДК 913:008(470.25)

Аспатиальность, культурные районы и их границы

Касательно самоорганизации пространства в русской культуре существуют противоположные точки зрения. Концепция *аспатиальности* предполагает специфически пониженную реакцию русской культуры на географическое пространство (например, на расстояние, границу и место). Проявлением аспатиальности в этом контексте выступает чёткая «привязка» местного патриотизма к административным границам: «Равнодушие к месту перетекает у русских и в равнодушие к границам. Из-за этого они вполне отдаются тем рубежам, которые устанавливает для них государство, и безропотно адресуют свой местный патриотизм тем губерниям, областям или краям, которые выкраивают на карте российские власти» [Смирнягин 1999: 113].

Альтернатива этой точке зрения – представление, что «в России, как и во многих государствах мира, административное деление, по крайней мере, на уровне субъектов федерации в тенденции совпадает с историко-культурными районами» [Крылов 1997: 36]. Эти историко-культурные районы не порождаются административными границами, а, скорее, сами «вынуждают» подстраивать сетку внутреннего деления страны под сложившиеся культурные границы.

Основной путь выявления регионов России, соответствующих историко-культурным районам, – использование критерия возраста территории от начала упоминания о ней в качестве формальной или неформальной единицы. Возраст территорий определяет развитие местного самосознания. Например, ранг региона-«страны» может иметь «средняя полоса России», а в явном виде региональные образования на уровне «страны» существуют на географических и исторических окраинах России: Русский Север – Поморье, Дон, Кубань, Урал, Сибирь, менее явно – Поволжье [Крылов 1997].

На наш взгляд, обе упомянутые выше точки зрения имеют право на существование из-за сложностей взаимозависимости политико-административных и культурных границ. В то же время для формирования территориальной *идентичности* любого уровня принципиальное значение имеет *историческая зрелость* или же устойчивость политико-административных *границ*, определяемая давностью и длительностью существования (возрастом) этих границ [Колосов, Туровский 1999]. Наиболее устойчивые политические и административные границы отличаются комплексностью, т.е. совмещением совокупности элементарных границ, и высокой степенью контрастности (природной, этнической, культурной и т.п.).

Историческая зрелость и контрастность границ: методика и оценка

Исторически зрелые административные границы определяют политическую, социальную и культурную целостность региона. Зачастую политико-административные границы прошлых эпох служат современными или реликтовыми культурными рубежами. Также можно говорить и о региональной идентичности как в современных границах, так и в рамках историко-культурных районов, которые постепенно стираются в массовом сознании.

Для оценки исторической зрелости границы устанавливается время первого появления данной границы или её приблизительных аналогов на территории и продолжительность её существования. Например, к категории исторически наиболее зрелых внешних границ России политико-географы относят западные границы Псковской области – российско-эстонскую и российско-латвийскую границы; относительно зрелой считается российско-белорусская граница, т.е. южная граница Псковской области [Туровский 1999].

Псковские земли долго служили буфером между Россией и её западными соседями, что и предопределило целостность этой территории в процессе формирования внешних границ страны. К числу наиболее зрелых исторических рубежей региона относятся границы Псковской губернии, созданной в 1796 г. (в особенности западные и южные, до того на протяжении нескольких веков имевшие статус государственных).

Среди современных границ Псковской области наибольшей исторической зрелостью отличаются западные (с Латвией и частично с Эстонией), с 1990-х годов вновь ставшие государственными. К категории относительно зрелых границ относятся современные государственные границы с Белоруссией и частично с Латвией. Северные и восточные же рубежи – менее зрелые, но весьма долговременные: длительность их существования превышает полвека [Манаков 2012]. При этом границы с Ленинградской, Новгородской и Смоленской областями можно отнести к категории относительно зрелых, а границы с Тверской областью – к категории молодых (см. *рис. 1*).

Для того, чтобы выстроить «систему координат» для описания границ и их исторической зрелости, мы предлагаем ряд расчётных коэффициентов, описывающих степень контактности и контрастности границ: коэффициенты социокультурной связности, социальной контактности, этнической и религиозной контрастности.

Так, *коэффициент социокультурной связности* может описывать родственно-дружеские связи населения приграничных территорий. Количественно он соответствует доле населения приграничных районов, имеющего по другую сторону границы родственников, друзей и знакомых по данным опросов населения, проведённых в Псковской области в 2003 г. (N=2569) [Манаков, Григорьева 2007] и в 2008 г. (N=740) [Григорьева 2009;

Манаков и др. 2010], а также в приграничных районах в 2006 г. (N=500) [Манаков, Григорьева 2007]. Контакты по другую сторону государственной границы имеет половина жителей эстонского приграничья (Печорский район), 53% населения латвийского приграничья (Палкинский, Пыталовский, Красногородский и Себежский районы), 47% населения белорусского приграничья (Себежский, Невельский и Усвяцкий районы).

Коэффициент социальной контактности количественно равен доле населения приграничных районов, хотя бы изредка посещающего соседнее государство. Эстонию посещают 19%, Латвию – 13%, Белоруссию – 30% [Манаков 2004; Манаков, Григорьева 2007]. Таким образом, наиболее высокий коэффициент социальной контактности характеризует российско-белорусскую границу, что вполне естественно по причине её «прозрачности», высокой степени проницаемости.

Рис. 1. Историческая зрелость и контрастность политических и административных границ Псковского региона [Манаков, Евдокимов 2010: 44]

Для расчёта *коэффициента этнической контрастности* современных государственных границ мы, во-первых, выделили приграничные территории по обе стороны государственной границы; во-вторых, подсчитали общую численность представителей двух основных этносов, проживающих по обе стороны границы. В-третьих, мы рассчитали долю представителей каждого из двух этносов, проживающих по одну сторону от границы, от их общей численности в пограничных районах. По этим данным мы вычислили коэффициент этнической контрастности (*Кэк*) по формуле:

$$Кэк = |n_1 - n_2|,$$

где n_1 – доля представителей 1-го этноса, проживающих по одну сторону границы, n_2 – доля представителей 2-го этноса, проживающих по ту же сторону границы.

Аналогично можно рассчитать коэффициент религиозной контрастности (*Крк*).

Коэффициент этнической контрастности был рассчитан для современных западных и южных (ныне государственных) границ Псковской области по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. [Национальный... 2005], и сопоставимых переписей и учётов населения пограничных с Псковской областью государств [Манаков 2002]. Результаты расчёта представлены в *таблице 1*. Разработанная нами классификация границ по этнической контрастности – в *таблице 2*.

Таблица 1

Социокультурная связность, социальная контактность и этническая контрастность западных и южных границ Псковской области

Участки границы	Коэффициент социокультурной связности	Коэффициент социальной контактности	Коэффициент этнической контрастности
1. Печорский участок границы с Эстонией	0,5	0,19	0,92
2. Граница с Латвией	0,53	0,13	0,77
3. Граница с Белоруссией	0,47	0,3	0,86

Источники: [Манаков и др. 2010; Национальный...2005].

Таблица 2

Классификация границ по этнической контрастности

Значение коэффициента этнической контрастности	Характеристика границ
менее 0,1	неконтрастные
от 0,1 до 0,25	слабоконтрастные
от 0,25 до 0,5	относительно контрастные
от 0,5 до 0,75	контрастные
от 0,75 до 1,0	наиболее контрастные

Таким образом, все современные государственные рубежи Псковской области можно считать наиболее контрастными с этнической точки зрения. При этом наивысшей степенью контрастности отличается российско-эстонская граница (печорский участок), а российско-латвийская ей значительно уступает по этому показателю. Это объясняется высокой долей русского населения (до 30%) в Латгалии – восточной части Латвии, пограничной с Псковской областью. Также высока степень этнической контрастности российско-белорусской границы, но более правильным здесь было бы использовать коэффициент религиозной контрастности, однако современных данных на этот счёт нет, и мы попытаемся сделать расчёт по дореволюционной статистике.

По итогам первой Всероссийской переписи населения 1897 г. мы рассчитали коэффициенты этнической и религиозной контрастности для северных, западных и южных границ Псковской губернии с Санкт-Петербургской, Лифляндской и Витебской губерниями (см. табл. 3).

Таблица 3

**Этническая и конфессиональная контрастность
северных, западных и южных границ Псковской губернии (по переписи 1897 г.)**

Участки границы	Коэффициент этнической контрастности	Коэффициент религиозной контрастности
1. Порхово-Лужский участок границы с Санкт-Петербургской губернией	0,41	0,36
2. Псково-Гдовский участок границы с Санкт-Петербургской губернией	0,06	0,18
3. Участок западной границы с Лифляндской губернией	0,89	0,83
4. Участок западной границы с Витебской губернией	0,75	0,78
5. Опочецко-Себежский участок границы с Витебской губернией	0,68	0,34
6. Великолуцко-Невельский участок границы с Витебской губернией	0,93	0,26
7. Великолуцко-Велижский участок границы с Витебской губернией	0,99	0,33

Источник данных для расчётов: [Первая... 1903-1905].

Естественно, наиболее контрастны западные границы Псковской губернии, особенно с Лифляндией, где преобладали лютеране (эти границы отделяли лифляндских эстов-лютеран от православных сету, живущих в Псковской губернии) [Манаков 2011], и с Латгалией – западной, преимущественно католической (хотя и с долей русско-белорусского православного населения), частью Витебской губернии. Этнически контрастными были и южные границы Псковской губернии, особенно с Невельским и Велижским уездами Витебской губернии, в которых доля белорусского населения достигала 85% [Первая... 1903-1905]. Однако здесь малы значения коэффициента религиозной контрастности – по обе стороны губернской границы проживали православные.

Сравнение расчётов на конец XIX в. и начало XXI в. показывает, что, хотя в течение XX в. этнически контрастная южная (русско-белорусская) граница Псковского региона и сдвинулась к югу, она не потеряла своего контрастного характера. Так, доля русских в южных районах Псковской области сейчас составляет 94%, а белорусов в приграничных районах Белоруссии – 85% [Манаков 2002; Национальный... 2005]. За столетие также лишь незначительно повысился коэффициент этнической контрастности российско-эстонской и российско-латвийской границы (с 0,89 до 0,92 и с 0,75 до 0,77, соответственно).

В отношении исторической зрелости границ отметим, что Псковская область была создана в 1944 г., но в этом году оформились только её северные и северо-восточные современные границы (с Ленинградской и Новгородской областями). Рубежи с нынешними Тверской и Смоленской областями определились только в 1957-1958 гг. после ликвидации Великолуцкой области. В средней части области в первой половине XX в. появлялись кратковременные административные границы, наиболее значимой из которых с точки зрения

формирования региональной идентичности можно считать границу просуществовавшей в течение 13 лет Великолукской области.

Таким образом, можно говорить о внешних границах Псковской области как *исторически зрелых*. Наибольшей зрелостью и этнокультурной контрастностью отличаются западные границы области (с Эстонией и Латвией). Относительно зрелыми и этнически контрастными выступают современные государственные границы с Белоруссией. Северные и восточные рубежи – менее зрелые, но всё же длительность их существования превышает полвека. Так же к относительно зрелым относятся и границы с Ленинградской, Новгородской и Смоленской областями. А вот границы с Тверской областью можно отнести к категории молодых.

Скобари: региональная идентичность и самоназвание

Несомненно, один из ведущих индикаторов территориальной общности людей – (региональная) самоидентификация населения [Стрелецкий 2000]. Для изучения пространственно-временной динамики региональной идентичности мы в течение нескольких лет провели ряд исследований, посвящённых применению в быту самоназвания жителей Псковской области «скобарь». Народных этимологических версий у этого слова немало. По одной из них, оно появилось ещё в начале XV в. и запечатлено в Псковской летописи в таком виде: «*Прииде местер (магистр) со всею силою немецкою и с литвою... и ходяче по Скопской волости неделю*» – т.е. «скобарь» от «Скопской» волости. Есть и версия, связывающая самоназвание псковичей с их стрижкой в средние века («*Псковичи не лыком шиты, не скобой стрижены*»).

Наиболее распространена версия, связанная со словом «скоба» – железным предметом, «продуктом» кузнечного промысла. «В XVIII веке из Пскова было налажено снабжение строящегося Петербурга изделиями кузнечного дела: прутами, гвоздями, скобами... Скопские и стали скобарями» [Григорьева 2004]. По бытующей легенде, когда Петра I «для каждого города промысел определял», псковичи, не желая себя утруждать, выбрали промысел, который знали лучше других. Это и было изготовление скоб и других железных изделий. Пётр I якобы ответил псковичам: «*Ну и будьте скобарями*».

Наиболее *признанной* в научных кругах служит версия о постепенном переходе от слова «псковский» к названию «скобарь» путём замены отдельных звуков и частей слова, благодаря специфике региональных говоров и далее через обратное словообразование: «псковский – пскопский – скопский – скобский – скобы – скобарь».

Источником такого названия псковичей, однако, были не они сами, а их соседи. Вплоть до второй четверти XX в. это было прозвище жителей Псковской губернии с ироническим, а иногда даже пренебрежительным оттенком («*Скобари самые лапотники, да еще новгородские*») [Кулаков, Манаков 1994].

Распространение названия «скобарей» и, шире, динамика территориальной идентичности, разумеется, связана с соотношением в различные исторические периоды *барьерных и контактных функций границ*, которые мы рассмотрели выше. Так, например, преобладание барьерной функции ведет к формированию «оппозиционной» модели идентичности («это мы, а это – они»). Как раз в этом плане очень показателен пример Псковской области [Кувенева, Манаков 2003].

Выше мы подробно рассмотрели историческую зрелость внешних границ. По самой же территории области проходят два ощутимых культурных рубежа, повторяющих существовавшие около полутора веков границы Псковской губернии. Северная часть области до 1927 г. была частью С.-Петербургской (Петроградской, Ленинградской) губернии [Евдокимов 2009]. Здесь в течение полувека (с конца XIX в. по 1943 г.) проживала достаточно большая группа эстонцев – их доля в населении держалась на уровне не ниже 10% [Манаков 2004].

Южная часть области вплоть до 1924 г. входила в состав Витебской губернии (а ранее – Полоцкого наместничества, Речи Посполитой, Великого княжества Литовского). При этом южная граница Псковской губернии была одновременно и этнической – русско-белорусской. Век назад доля белорусского населения здесь заметно превышала долю русских, и вплоть до середины XX в. на юге области продолжалась русификация местного белорусского населения [Кулаков, Манаков 1994].

Наконец, наиболее древний культурный рубеж, соответствующий границе средневековой Псковской земли, вычленяет в западной части бывшей Псковской губернии собственно *«псковское культурное ядро»*.

Вот и основной ареал названия «скобарь» ограничивается территорией распространения псковских «цокающих» говоров [Манаков 2012]. Здесь он закреплён многочисленными пословицами и поговорками про «цокающих» псковичей-скобарей. Охватывая бассейн реки Великой, этот ареал примерно соответствует упомянутому культурному ядру.

В северной части Псковской области, ранее входившей в состав Санкт-Петербургской губернии, слово «скобарь» в качестве самоназвания фактически не использовалось. Сейчас в многочисленных пословицах и поговорках на севере области подчёркиваются речевые отличия местного населения от псковичей-скобарей: *«Скобари меня учили по-скобарски говорить, скобарям какое дело, мне скобарочкой не быть»*; *«Моя мама городская, говорит на букву “ц”*: “Доцка, подай цулоцки на пецке в уголоцке”»; *«Что псковичане, что англичане, только наречия разные»* [Манаков 2004].

Для населения, проживающего к югу от границ Псковской губернии (южнее линии Опочка – Великие Луки), использовались названия *«кацапы»* и *«поляки»*: *«Скобари опоченски, а пустошкински кацапы»*; *«Яны так не прицокивают, мы их поляка́ми зовём, наречие у них совсем другое»* [Герд 2005]. Положение Опочки на южной границе «скобарской» территории (с «цокающими» говорами) отражено в популярной на Псковщине поговорке: *«От Опочки три верстоцки и в боцок один скацок»*.

В первой половине XX в. из-за постоянных изменений в административном делении ареал использования прозвища «скобарь» стал размываться. Постепенно слово стало распространяться по всей территории Псковской области, выходя даже за культурные рубежи, ранее определённые губернскими границами. Так губернская идентичность постепенно стала превращаться в современную региональную идентичность в рамках Псковской области.

Только ближе к концу XX в., когда слово «скобарь» утрачивает свой негативный оттенок по мере ухода из жизни поколений реальных носителей этого прозвища, оно *становится региональным самоназванием*. Более того, обозначается позитивный оттенок самоназвания: оно становится своеобразным символом местного патриотизма. Один из наших информантов в интервью отметил:

Псковичи скобарями себя называют. Но многие не знают, что такое скобарь. Однажды спросил я человека: “Что такое скобарь?”. И он ответил, что это нация. На самом деле скобарь – это гордость! Даже Александр Невский считал себя скобарем! Он этим гордился! [Манаков 2004].

Вопрос «Называете ли Вы себя скобарями?» мы задавали при проведении трёх общерегиональных социологических опросов – в 1999, 2003 и 2007 годах. Выяснилось, что примерно половина жителей Псковской области достаточно часто использует самоназвание «скобарь», а треть – не использует его совсем. Этим самоназванием пользуется около 60% уроженцев Псковской области и четверть тех, кто родился за пределами области.

Интересно, что скобарями называют себя от 5% до 10% жителей соседних с Псковской областью районов Ленинградской, Новгородской, Тверской и Смоленской областей. Среди них особенно выделяются Солецкий район Новгородской области и Торопецкий район Тверской области, ранее входившие в состав Псковской губернии.

Частота использования самоназвания «скобарь» зависит от возраста и образования респондентов. Чаще называют себя скобарями люди старшего возраста (от 40 до 60 лет и старше), проживающие в сельской местности и имеющие относительно более низкий уровень образования; немного чаще мужчины, чем женщины. Большинство этих людей, произнося слово «скобарь», испытывает сегодня гордость за псковичей. Ироническое отношение к этому региональному названию высказывают в основном более образованные люди, молодёжь и уроженцы других регионов. Среди молодых людей (в возрасте до 20 лет) самоназвание «скобарь» осознанно используется только 20% уроженцев области и 5% выходцев из других регионов России, стран СНГ и Балтии. Молодое поколение несколько чаще отвечает, что испытывает «неприятное ощущение» или «иронию по отношению к псковичам» [Кувенева, Манаков 2003].

Отметим географические особенности использования регионального самоназвания (см. *рис. 2*). Чаще всего называют себя скобарями респонденты, проживающие в пределах «псковского культурного ядра» (свыше 75% коренных жителей и около 40% переселенцев из других регионов). При этом в сельской местности здесь доля коренного населения, использующего это региональное самоназвание, достигает 80%, а в г. Пскове уменьшается до 70%. Культурный ареал с максимальным использованием самоназвания «скобари» протянулся от Пскова на северо-западе до Опочки на юго-западе и до Порхова и Дно на северо-востоке области.

Продолжая изучение современного распространения самоназвания «скобарь» на территории Псковской области, заметим, что полувекового периода существования новых административных границ оказалось недостаточно для его равномерного проявления в регионе. Ярким примером служит приграничная территория на западе области (Печорский район и юго-запад Палкинского района), которая в период в 1920-1940 гг. входила в состав Эстонии и Латвии. В северо-восточных частях Печорского и Палкинского районов, расположенных ближе всего к Пскову, скобарями сейчас называет себя уже почти две трети коренных жителей. А вот на западной и южной окраинах этих же районов, примыкающих к границам с Эстонией и Латвией, как и в городе Печоры, к скобарям причисляет себя лишь от трети до половины местного населения. Город Печоры фактически «выпадает» по данному показателю из «псковского культурного ядра».

Реже других называют себя скобарями и коренные жители северной части области, в 1781-1927 гг. входившей в состав Санкт-Петербургской (Петроградской, Ленинградской) губернии, а в 1927-1944 гг. – Ленинградской области. В Гдовском, Стругокрасненском и Плюсском районах категорически не считают себя скобарями около половины местных уроженцев. При этом близ бывшей губернской границы скобарями называет себя уже две трети коренных жителей, и лишь дальше к северу эта доля уменьшается до половины, а на наиболее отдалённых от Пскова участках Псковско-Чудского приозерья – даже до 40%.

Ещё реже отождествляют себя со скобарями жители южной части Псковской области, «псковский» административный период которой начался только в 1957 г. Например, в Себежском районе, расположенном на стыке границ с Латвией и Белоруссией, скобарями называет себя только 35–40% местных жителей – в два раза меньше, чем в пределах «псковского культурного ядра». Самоназвание «скобарь» постепенно начинает закрепляться на юге области в небольших городах-райцентрах и их ближайшем окружении (до 50% местных уроженцев), что свидетельствует об инновационном характере распространения самоназвания.

Отметим также пониженную долю (менее 60%) называющих себя скобарями в юго-восточной части Псковской области, расположенной за пределами «псковского ядра» и в 1930-е – 1950-е годы входившей в состав Калининской, а затем Великолукской областей. Ещё в конце советской эпохи великолучане чётко отличали себя от псковичей-скобарей, и это противопоставление было прямым отражением противостояния двух конкурирующих центров региона. И сейчас пока ещё можно говорить о наследии Великолукской области –

реликтовой субрегиональной идентичности, распространяющейся также на ряд западных районов современной Тверской области.

Таким образом, налицо изменение смыслового значения регионального названия «скобарь», ранее служившего для культурной (псковские «цокающие» говоры) и губернской идентификации, а сейчас ставшего символом местного патриотизма. Эти перемены позволили самоназванию проникнуть на исторически «нескобарские» территории, перешагнув через формировавшиеся веками культурные границы. Получив политический оттенок, региональное самоназвание псковичей приобрело новую жизнь, яркую, но – не исключено, что достаточно скоротечную [Манаков 2004].

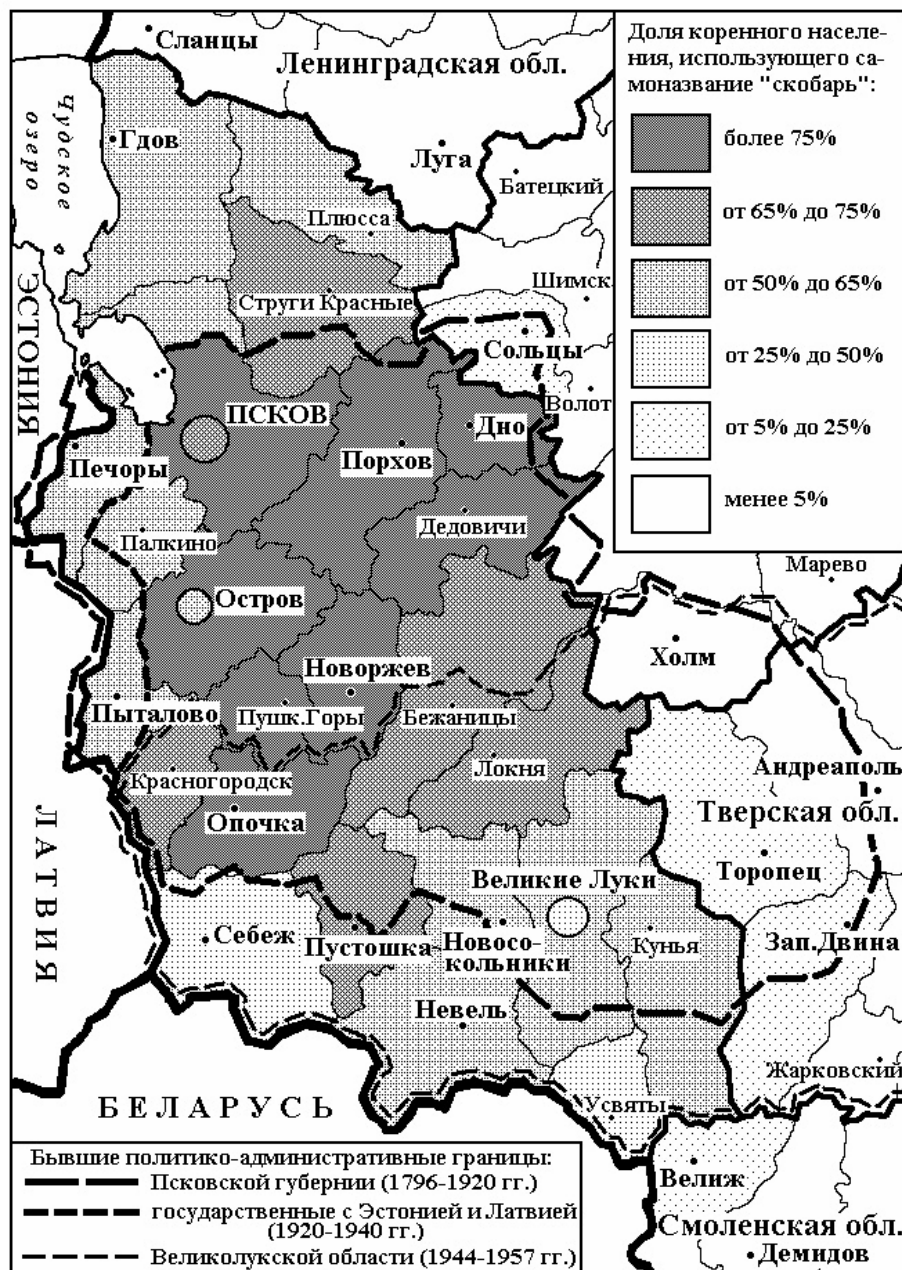

Рис. 2. Доля коренного населения, использующего региональное самоназвание «скобарь» [Манаков 2004: 265]

Границы и регионализм

Подводя итоги серии исследований 2002-2007 гг., отметим, что основной ареал использования коренным населением регионального самоназвания «скобарь» «укладывается» в границы Псковской губернии XIX – начала XX вв. В первой половине XX в. эта территория несколько уменьшилась в силу вхождения Печорского, Пыталовского и частично Палкинского районов в состав независимых государств – Эстонии и Латвии. Последствия этого периода и поныне сказываются на сравнительно более редком использовании местным населением регионального самоназвания «скобарь».

Региональное самосознание – самоотождествление людей с той или иной территорией – один из важнейших индикаторов регионализма как феномена культуры [Стрелецкий 2012]. Как показали наши исследования, *региональная идентичность сопряжена с административно-территориальным делением* страны и иногда может выражаться в наличии регионального самоназвания населения – как, например, «скобарь» в Псковской области. Зрелость регионального самосознания зависит от «возраста» административных единиц, а также стабильности (устойчивости) и других характеристик их границ.

Литература

- Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
- Григорьева Н.В. Региональная идентичность и самоназвания населения в районах стыка Псковской, Тверской и Смоленской областей // Проблемы этнической географии и культурного районирования: Сб. науч. ст. / Под ред. А.Г. Манакова. Псков: Центр социального проектирования «Возрождение», 2004. С. 176-178.
- Григорьева Н.В. Иерархия территориальных идентичностей в различных возрастных группах населения Псковской области (по итогам социологического исследования весной 2008 г.) // Псковский регионологический журнал. 2009. №7. С. 41-47.
- Евдокимов С.И. Историко-географический анализ изменений в административно-территориальном делении Псковского региона в XIX – первой половине XX вв. // Псковский регионологический журнал. 2009. №7. С. 129-139.
- Крылов М.П. Понятие «регион» в культурном и историческом пространстве России // География и региональная политика. Ч. 1. Смоленск: Изд. СГУ, 1997. С. 32-37.
- Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. №7. С. 77-84.
- Кулаков И.С., Манаков А.Г. Историческая география Псковщины (население, культура, экономика). М.: Варяг, 1994.
- Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр «Возрождение»; ОЦНТ, 2002.
- Манаков А.Г. На стыке цивилизаций: Этнокультурная география Запада России и стран Балтии. Псков: Изд-во ПГПИ, 2004.
- Манаков А.Г. Динамика этнических и конфессиональных границ к юго-западу от Псковского озера до XX века: историко-географический анализ (к вопросу о происхождении сета) // Псковский регионологический журнал. 2011. №11. С. 132-143.
- Манаков А.Г. Культурная география Псковской области: районы и границы // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. №1. С. 54-66.
- Манаков А.Г., Григорьева Н.В. Степень удовлетворенности жизнью и социокультурные ориентиры населения приграничных районов Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2007. №4. С. 77-87.
- Манаков А.Г., Евдокимов С.И. Устойчивость границ Псковского региона: историко-географический анализ // Псковский регионологический журнал. 2010. №10. С. 29-48.

Манаков А.Г., Евдокимов С.И., Григорьева Н.В. Западное порубежье России: географические аспекты становления и развития Псковского региона. Псков: Логос, 2010.

Национальный состав и владение языками, гражданство населения Псковской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. Псков: Псковстат, 2005.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Т. V. Витебская губерния; Т. XXI. Лифляндская губерния; Т. XXXIV. Псковская губерния; Т. XXXVII. Санкт-Петербургская губерния. СПб.: Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903-1905.

Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999. С. 108-115.

Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии: опыт историко-географического анализа // Известия РАН. Сер. геогр. 2000. №6. С. 37-47.

Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. №14. С. 9-21.

Туровский Р.Ф. Политическая география: Уч. пособие. М.–Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.